

Цена верности



Михаилу Наумовичу Калику, замечательному советскому режиссеру, исполнилось девяносто лет*. Думая о нем, вспоминаешь фильмы «Человек идет за солнцем» (1961), «До свиданья, мальчики» (1964) и «Любить» (1968). Менее известна его картина «Цена» (1969).

Это экранизация пьесы Артура Миллера. Обычно американские фильмы и пьесы долетали до СССР с опозданием, как свет погасших звезд, но на этот раз было не так: премьера «Цены» на Бродвее состоялась в 1968-м, и вот через год — фильм Калика. Он совсем не похож на предыдущие его работы — то были фильмы стильные, визуально изощренные, «модерные», пусть в духе целомудренного советского модерна 1960-х. А в «Цене» все действие происходит в одной комнате, никаких затей, персонажи все разговаривают и разговаривают слово в слово по миллеровской пьесе. Почему такая резкая смена стиля? Скачок мог быть вынужденным: «модернисту» Калику не давали работать, вот он и использовал возможность не потерять режиссерскую форму. С другой стороны, настоящий художник ничего не делает вынужденно, он и внутри необходимости находит зону свободы.

О чем фильм? Два немолодых уже человека — Вик Франк (Михаил Глузский) и его брат Уолтер (Леонид Галлис) — встречаются в квартире их умершего 16

лет назад отца. После его похорон они ни разу не виделись, но теперь дом идет под снос, надо побыстрее продать мебель и прочие семейные вещи; вот братья и сошлись душным летним днем на верхнем этаже манхэттенской многоэтажки. Виктору пятьдесят, он полицейский, его вот-вот отправят в отставку, и он не представляет, чем будет заниматься и как проживет на небольшую пенсию со своей красивой женой Эстер.

Карьера Уолтера сложилась удачнее: он врач и ученый, состоятельный человек. Зато на личном фронте у него не так ладно: недавно он развелся с женой. Пьеса Миллера психологически напряженная, надрывная. В ходе бесконечных диалогов, в которые только иногда вмешивается Эстер, вскрываются давно истлевшие «скелеты в шкафу». Мы постепенно узнаем, что Вик не смог получить высшего образования, потому что много лет ухаживал за больным отцом. Уолтер тем временем учился в medical school, практически оборвав связи с семьей. Потом Вик стал полицейским: не очень типичная профессия для молодого человека из «приличной еврейской семьи», ну да что поделаешь, если у тебя нет вузовского диплома?



Сергей Гурзо-ли
Агнеса Фрейндиш
Светлана Светицкая
Георгий Ион Швитски
Марияна Вертинская
Игорь Кваша

Любить..

Фильм Михаила Калика и Инны Туманян



В глубине души Уолтер чувствует себя виноватым. Он предлагает Вику хорошую административную работу в своей фирме. Эстер чуть не подсказывает от радости, но Вик артачится, а потом и вовсе отказывается. Гордость? Можно сказать и так. На самом же деле все сложнее. Вик любит брата, все эти годы Уолтер продолжал присутствовать в его жизни, пусть негативным образом. Теперь Вик чувствует, что сложный клубок в его душе

не может быть вот так просто развязан тем, что Уолтер быстренько поможет ему с работой; они должны по крайней мере поговорить, выяснить отношения. Но Уолтеру некогда, а главное, он боится, что ему в итоге придется признать себя виноватым. Вместо семейной психологии он предъявляет семейную экономику (и это очередной пласт горькой правды, которая, как слои луковицы, сдирается на глазах у зрителей этого фильма).

Вик с отцом жили впроголодь, но Уолтер вдруг объявляет, что у отца было припрятано на счету \$4000 — достаточно для того, чтобы купить медицинскую страховку и нанять сиделку, тем самым развязав Вику руки для учебы. Почему отец этого не сделал? Возможно, напуганный Великой депрессией, он привык держать баксы в заначке на черный день. Или это проявление пораженной инсультом психики? Так или иначе, внезапно выясняется, что жертва Вика была напрасна, что он, в сущности, был заложником отцовской хитрости. Как чеховский дядя Ваня, он погубил жизнь, служа фальшивому кумиру.

Каков же итог? Вик говорит, что все равно не считает свою жизнь напрасной. Может быть, отец и обманывал его (в сущности, он об этом догадывался, так что «откровение» Уолтера не было для него столь уж ошеломительным), но он-то отца любил. Любовь к обманщику — все равно любовь, забота об отце — все равно забота, исполненный сыновний долг — все равно исполненный долг, и он ни о чем не жалеет и лузером себя не считает. Эстер, до этого момента сосредоточенная, казалось, лишь на денежном аспекте, неожиданно поддерживает его.

Тут надо, наконец, сказать, что в пьесе есть еще одно действующее лицо — девяностолетний еврей Соломон, скупщик антиквариата. Это сложный персонаж — смесь шекспировского Шейлока и библейского Соломона. В течение всего фильма он оценивает и переоценивает запыленную мебель семейства Франков, а между тем братья Франк оценивают и переоценивают свою «жизнь и судьбу».

Возможно, пьеса Миллера привлекла Калика потому, что он в тот период переоценивал собственную жизнь и судьбу. Остро осознав свои корни, он репатриировался в 1971 году. Вышло так, что на исторической родине этот исключительно талантливый режиссер снял всего один фильм, да и то не очень удачный. Что ж... В интервью по случаю своего девяностолетия Калик

сказал, что ни о чем не жалеет: еврей должен жить в Израиле.

Мораль: цена, уплаченная за верность себе, не бывает чересчур высока.

Святослав Бакис, специально для «Хадашот»

**Когда статья уже вышла из печати, пришла печальная весть — Михаил Калик скончался в Иерусалиме...*